

**МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ДУАЛИЗМ СМАРТ-КОНТРАКТА:
ФОРМИРОВАНИЕ ГИБРИДНОЙ ДЕФИНИЦИИ В ПРАВЕ УЗБЕКИСТАНА
НА ОСНОВЕ ОПЫТА ИТАЛИИ И БЕЛАРУСИ**

Хасанов Турсунпулат Шавкатжон угли

Главный специалист по правовым вопросам

АО «O'ZLITINEFTGAZ»

e-mail: 6007177@mail.ru

Аннотация: *В данной статье представлен критический анализ правового регулирования смарт-контрактов в Республике Узбекистан в сопоставлении с передовым международным опытом (Италия, Беларусь). Автор аргументирует, что текущая дефиниция, закрепленная в Законодательстве Республики Узбекистан страдает методологической ограниченностью, ошибочно сводя сущность смарт-контракта исключительно к электронной форме договора.*

Особое внимание уделяется анализу концептуальных пробелов в национальном законодательстве, в частности, игнорированию технической природы смарт-контракта как программного кода и его неразрывной связи с распределенными реестрами (блокчейном). Исследуя функциональный подход Италии и техно-реализм Беларуси, автор обосновывает необходимость фундаментального пересмотра отечественных нормативных актов. В работе подчеркивается, что отказ от узкого формализма в пользу признания автономности цифровых алгоритмов является обязательным условием для минимизации правовых рисков и эффективной трансформации роли юриста в условиях цифровой экономики.

Ключевые слова: *смарт-контракт, цифровое право, блокчейн, гражданское право Узбекистана, правовое регулирование инноваций, программный код*

Сегодня мы наблюдаем бурное развитие технологий, которое постепенно меняет наше представление о классических формах правоотношений. Смарт-контракты становятся всё более распространённым инструментом для ведения бизнеса, решения коммерческих споров и оптимизации экономических процессов. Тем не менее юридическое сообщество пока ещё находится на этапе осмысления последствий интеграции цифровых технологий в сферу договорного права. Будущие шаги будут зависеть от способности законодателей адаптироваться к изменениям и создать устойчивые механизмы защиты прав всех заинтересованных лиц.

Несмотря на существующие различия мнений, ясно одно: роль юриста будущего неизбежно изменится. Для успешной практики потребуются глубокое понимание технологий, способность анализировать их воздействие на общество и

MODERN PROBLEMS IN EDUCATION AND THEIR SCIENTIFIC SOLUTIONS

разрабатывать адекватные правовые инструменты для управления рисками, возникающими вследствие внедрения инновационных решений.

В Узбекистане определение смарт-контракта законодательством впервые было закреплено в Постановлении Президента Республики Узбекистан «О мерах по развитию цифровой экономики и сферы оборота крипто-активов в Республике Узбекистан» от 03.07.2018 г. № ПП-3832⁴⁴, где он определяется следующим образом: «смарт-контракт - договор в электронной форме, исполнение прав и обязанностей по которому осуществляется путем совершения в автоматическом порядке цифровых транзакций».

Идентичная формулировка полностью воспроизводится в подзаконном акте - Приказе директора Национального агентства перспективных проектов Республики Узбекистан «Об утверждении положения о порядке выпуска, регистрации выпуска и обращения крипто-активов резидентами Республики Узбекистан» (зарегистрирован Министерством юстиции Республики Узбекистан от 28 ноября 2022 г. Регистрационный № 3397)⁴⁵.

Изучение зарубежного опыта при определении термина «смарт-контракт» не должно быть простой формальностью. Напротив, это тот самый методологический якорь, который позволяет четко зафиксировать правовое значение этого понятия в нашем законодательстве.

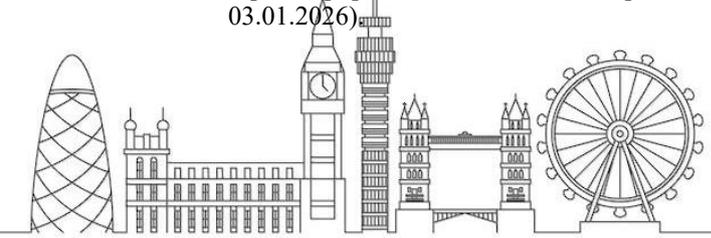
Без глубокого анализа того, как этот инструмент уже работает в других юрисдикциях, мы рискуем создать «мертвую» норму, оторванную от реальности. Именно международная практика дает нам понимание того, где заканчивается программный код и начинается юридическое обязательство. Таким образом, использование мировых законодательских наработок становится фундаментом, на котором можно выстроить действительно рабочую и современную национальную модель регулирования цифровых сделок.

Довольно любопытный, если не сказать образцовый, пример мы находим в правовом поле Республики Беларусь. Там еще в конце 2017 года, когда многие только начинали осваивать терминологию криптомира, вышел Декрет № 8 «О развитии цифровой экономики». Белорусский законодатель не стал изобретать велосипед, а пошел по пути признания технической реальности. В этом документе смарт-контракт получил следующее определение:

«Смарт-контракт – программный код, предназначенный для функционирования в реестре блоков транзакций (блокчейне), иной распределенной информационной

⁴⁴ Постановление Президента Республики Узбекистан от 03.07.2018 г. № ПП-3832. URL: <https://lex.uz/docs/3806048> (Дата обращения: 03.01.2026).

⁴⁵ Приказ директора Национального агентства перспективных проектов Республики Узбекистан, зарегистрировано 28.11.2022 г., рег. номер 3397. URL: <https://lex.uz/uz/docs/6299489> (Дата обращения: 03.01.2026).

MODERN PROBLEMS IN EDUCATION AND THEIR SCIENTIFIC SOLUTIONS

системе в целях автоматизированного совершения и (или) исполнения сделок либо совершения иных юридически значимых действий.»⁴⁶

Такой подход белорусского законодателя заслуживает особого внимания, поскольку в нем, в отличие от многих других моделей, сделан четкий акцент на технической сущности смарт-контракта как программного кода, работающего именно в распределенной среде.

Весьма любопытный - и в чем-то даже радикальный для консервативной Европы — пример мы можем найти в правовом поле Италии. Итальянцы одними из первых рискнули перевести дискуссию о смарт-контрактах из области теории в плоскость прямого действия. Речь об известном законе Decreto Semplificazioni (№ 12/2019), который фактически легализовал алгоритмическое правоприменение. В этом документе смарт-контракт получил следующее определение:

«Под «смарт-контрактом» понимается компьютерная программа, которая работает на базе технологий распределенного реестра и исполнение которой автоматически связывает две или более стороны на основе заранее определенных ими эффектов. Смарт-контракты удовлетворяют требованию письменной формы при условии предварительной электронной идентификации заинтересованных сторон через процесс, соответствующий требованиям, установленным Агентством цифровой Италии.»⁴⁷

Итальянский законодатель в данном случае не стал ограничиваться сухим определением. Он пошел дальше, закрепив за смарт-контрактом роль программного обеспечения, которое, опираясь на технологию распределенного реестра, автоматически исполняет обязательства сторон при наступлении заданных условий.

Что здесь действительно важно для нас? Италия не просто описала технологию; она законодательно приравнивала такие «цифровые соглашения» к классической письменной форме при условии удовлетворения требований регулятора. Это, на наш взгляд, ключевой момент: преодоление барьера между бумажным документом и живым кодом. Такой функциональный подход - это именно та смелость в законотворчестве, которой сегодня явно не хватает многим другим юрисдикциям, застрявшим на этапе терминологических споров.

Пристальный взгляд на текущее состояние правового поля в Узбекистане заставляет признать: мы имеем дело с весьма спорной, если не сказать тупиковой, дефиницией смарт-контракта. Проблема здесь носит фундаментальный характер. Пытаясь «приземлить» сложный цифровой алгоритм в привычную гавань гражданского права, законодатель совершил концептуальную ошибку, отождествив

⁴⁶ Декрет Президента Республики Беларусь № 8 «О развитии цифровой экономики» от 21 декабря 2017 г. URL: <https://president.gov.by/ru/documents/dekret-8-ot-21-dekabrya-2017-g-17716> (Дата обращения: 26.01.2026 г.).

⁴⁷ Италия. Decreto-Legge 14 dicembre 2018, n. 135, convertito con modificazioni dalla Legge 11 febbraio 2019, n. 12. Art. 8-ter URL: <https://www.normattiva.it/uri-res/N2Ls?urn:nir:stato:decreto.legge:2018-12-14:135-art8ter> (Дата обращения: 26.01.2026 г.).

MODERN PROBLEMS IN EDUCATION AND THEIR SCIENTIFIC SOLUTIONS

смарт-контракт исключительно с формой договора. Но ведь смарт-контракт - это не просто текст соглашения в цифровой оболочке. Это прежде всего живой программный код, автономно исполняющий волю сторон, и игнорирование этой технической природы лишает норму всякого практического смысла.

Ещё один спорный момент - жесткое требование к электронной форме. На наш взгляд, это не более чем искусственная преграда, которая диссонирует с глобальными трендами. Практика тех же Италии или Беларуси ясно подтверждает: смарт-контракт - это универсальный «цифровой исполнитель». Он может и должен обслуживать сделку в любом облици, будь то классическая бумага или программный код.

Особое беспокойство вызывает то, как в наших актах смешиваются причины и следствия. Упоминание «автоматических цифровых транзакций» как главного признака - это попытка определить механизм через его результат. Из дефиниции необъяснимым образом выпал фундамент всей технологии — распределенный реестр (блокчейн). Без привязки к децентрализованной среде уникальность смарт-контракта аннулируется: он превращается в обыденный банковский «автоплатеж».

Такая терминологическая размытость - это не просто академический спор. Это реальная угроза для бизнеса и права. В условиях, когда не проведена четкая идентификация технологии, любой «баг» в коде может обернуться юридическим хаосом. В итоге мы получаем ситуацию, когда потенциал токенизации активов и прозрачности остается заложником нормативной неопределенности, превращая инновации в источник неконтролируемых правовых рисков.

